

УДК 1: 316.32. 2

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ГЕОПОЛИТИКИ

С. И. Черных

Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий (г. Новосибирск)
serg2560380@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты, связанные с изменениями международного образовательного пространства, происходящими в период деглобализации, многополярности и суверенизации. Постулируются основные диспозиционные характеристики, влияющие на развитие современных образовательных систем и определяющие его как реальный геополитический фактор. Особое внимание уделяется становлению российской системы образования как суверенной. Современное ее состояние и статус проводимых реформ концептуализируется как третья попытка России занять достойное место в рамках геополитического образовательного пространства. В заключение делаются выводы о том, что, во-первых, деглобализация, регионализация и суверенизация определяют возрастающую зависимость образования от экономики. И, во-вторых, образование перестает быть автономным сектором и превращается в определяющее условие синхронизации технологического прогресса и человеческого капитала.

Ключевые слова: мировое образовательное пространство, российское образование, деглобализация, человеческий капитал, образовательный суверенитет, реформы, стратегия развития образования.

Для цитирования: Черных, С. И. (2026). Образование как фактор геополитики. *Respublica Literaria*. Т. 7. № 1. С. 147-159. DOI: 10.47850/RL.2026.7.1.147-159

EDUCATION AS A FACTOR OF GEOPOLITICS

S. I. Chernych

Siberian University of Engineering and Biotechnology (Novosibirsk)
serg2560380@yandex.ru

Abstract. The article examines some aspects related to the changes in the international educational space taking place during the period of deglobalization, plurality and sovereignization. The main dispositional characteristics that influence the development of modern educational systems and define it as a real geopolitical factor are postulated. Special attention is paid to the formation of the Russian education system as a sovereign one. Its current state and the status of ongoing reforms are conceptualized as Russia's third attempt to take its rightful place within the framework of the geopolitical educational space. In conclusion, it is concluded that, firstly, deglobalization, regionalization and sovereignization determine the increasing dependence of education on the economy. And secondly, education is no longer an autonomous sector and is becoming a crucial condition for synchronizing technological progress and human capital.

Keywords: global educational space, Russian education, deglobalization, human capital, educational sovereignty, reforms, education development strategy.

For citation: Chernych, S. I. (2026). Education as a Factor of Geopolitics. *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 1. Pp. 147-159. DOI: 10.47850/RL.2026.7.1.147-159

Введение

Современная геополитическая ситуация характеризуется тем, что неопределенность, которая ей присуща, распространяется на все формы человеческой жизнедеятельности. Это детерминирует динамическую реформацию этих форм. Цель этих реформ – приобретение обществом хотя бы относительно устойчивого состояния. На сегодняшний день этот тренд нельзя охарактеризовать как успешный. Данный тезис подтвержден на всемирном экономическом форуме, состоявшемся 19–23 января 2026 г. В докладе “The Global Risks Report 2026. 21st Edition. Insight Report” было заявлено (на основании опроса более чем 1,3 тыс. экспертов по рискам и мировых лидеров), что мир в своем развитии на ближайшие десять лет будет характеризоваться многополярностью, неопределенностью, «конфронтацией вместо сотрудничества и доверия». Авторы доклада предупреждают, что геэкономическая неопределенность может дестабилизировать не только глобальные экономические структуры, но и некоторые социумные сущности в целом. Особенно сильно варьируются экологические, технологические и мировоззренческие риски, которые связаны с развитием дезинформации, кибербезопасностью и влиянием искусственного интеллекта (ИИ – *Авт.*) на социальную стабильность. Перспективы на ближайшие годы (до 2028 г.) расцениваются как «турбулентные» (около 50% экспертов), другого мнения придерживается только 1% экспертов, но в десятилетней оптике число сторонников «штормовой» геополитики и геэкономии возрастает до 57%. Даже с учетом того, что доклады ВЭФ – это только ориентир, а вовсе не руководство к действию, из заключения доклада становится ясным, что геополитика буквально «заставляет» стратегии устойчивого развития «адаптироваться к новой географии», т. е., признавая «универсальные стандарты», уделять больше внимания проблематике регионализации своих интересов и суверенизации собственных национальных смыслов и ценностей¹.

Актуальность исследования. Операционный контекст подобных векторов имманентно содержит в качестве категорического одно условие. Образовательная система страны должна быть «заточена» таким образом, чтобы эти интересы, смыслы и ценности детерминировались (в процессе своего формирования) в первую очередь национальными потребностями. Именно такая причинно-следственная зависимость позволит «снять» те риски, которые являются самыми важными (поскольку они касаются каждого из нас). Поэтому законы, в том числе и в России, обращают особое внимание на развитие своего образовательного пространства, «превращая» его в достаточный фактор обеспечения своего устойчивого развития, с одной стороны. С другой – национальная образовательная политика развитых стран формируется таким образом, что образование выступает как «мягкая сила» в расширении геополитического влияния. Точно так же как «ковид и геополитический шок 2022 г. убили новую мировую экономику» (основанную на однополярности, глобализации

¹ Elsner, M., Atkinson, G., Zahidis, S. (2026) *The global Risks Report 2026 21st Edition Insight Report (January 2026) WEF_Global_Risks_Report_2026.pdf*. [Online]. Available at: <https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2026/> (Accessed: 25 January 2026).

и либерализме – *Авт.*) и создали другую – «совсем новую экономику», девизом которой можно считать: «Вперед в прошлое!», так и развитие мирового образовательного пространства (в дальнейшем МОП – *Авт.*) возможно подвергнуть ревизии с позиции деглобализации, регионализации и суверенизации, как определяющих эту «совсем новую экономику» факторов [Целищев, 2025, с.12]. Именно такая частичная ревизия (рассмотрения) и будет целью настоящей работы.

Методология исследования. Анализ научной и научно-публицистической литературы до и постпандемийного периода реформации мирового образовательного пространства, катализированного геополитическими сдвигами после 2022 г., позволил сформулировать некоторые исходные и важные для дальнейших рассуждений методологические тезисы [Целищев, 2025; Любарский, 2020; Хан, 2025]. Весьма полезными оказались материалы, представленные в солидных аналитических отчетах, посвященных проблематике геополитических проблем и образования (в том числе и российского), а также их взаимозависимости [Княгинина и др., 2025; Сбоев и др., 2025]. Многочисленные публицистические статьи, комментирующие эти и другие отчеты в Интернете, также оказались актуальными в дискурсе темы². Вышеизложенную аналитику подтвердили и не очень многочисленные пока публикации в научных журналах, описывающие процессы изменений в региональных образовательных системах, происходящих в поддержку суверенизации и под влиянием пертурбаций геополитики [Ван Сюань, Ван Бин, 2025].

В итоге был сформулирован исходный для работы набор методологических принципов, изложенный ниже:

- современные изменения, происходящие в МОП, детерминированы двумя основными факторами: геополитической волатильностью и быстрым внедрением технологий;
- мир становится сложнее и технологичнее, требования к образованию растут, а образовательные технологии становятся непрерывными и динамичными;
- деглобализация – регионализация – суверенизация определяют возрастающую зависимость образования от экономики;
- одновременно эта зависимость «суживает» образование до обучения, во-первых, и, во-вторых, делает обучение определяющим условием синхронизации процессов развития технологического прогресса и человеческого капитала;
- образование перестает быть автономным сектором и становится ключевым элементом социальной, экономической и геополитической устойчивости региона в условиях геополитических шоков, что делает региональные образовательные пространства (в дальнейшем РОП) наряду с социальным капиталом, наукой и экономикой основой конкурентного потенциала отдельно взятого государства.

² Говорун, А. (2025). *Вся мировая экономика в 2025 году в одной наглядной визуализации*. [Электронный ресурс]. URL: <https://naked-science.ru/community/1142987> (дата обращения: 05.01.2026); Скопич, Ю. (2025). *Каким будет образование будущего в России и мире. Рассуждаем сами и спрашиваем экспертов*. [Электронный ресурс]. URL: <https://t-j.ru/guide/future-education> (дата обращения: 14.01.2026); Федосеев, А. (2026). *Четыре будущих для новой экономики: Геоэкономика и технологии в 2030 году*. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall106919829_28578. (дата обращения: 14.01.2026).

Обсуждение и результаты

Модель новой экономики и образования. На рубеже XX и XXI вв. ряд западных философов (Ф. Парфит, У. Макаскилл, К. Пайпер, Л. Кемп, Т. Орд, Н. Бэкстед, К. Шульман и др.) сформулировали тезис о поворотном моменте в истории человечества. Они утвердили достаточно жесткую формулировку о том, что пертурбации, подобные коронавирусной инфекции или политическим конфликтам, – это фон для понимания главных, определяющих трендов. Эти тренды, характерные для рубежа XX–XXI вв., как они считали, могут определить судьбу человечества на следующие тысячи лет. Постулировались катастрофизм и лонгтермизм, а также эффективный альтруизм, которые надолго стали мировоззренческими, идеологическими и философскими трендами. Тоби Орд аккумулировал эти тренды в двух понятиях, которые впоследствии широко интерпретировали (в зависимости от статуса исследования) многие ученые и геополитики. Это понятия «экзистенциальный риск» и «экзистенциальная катастрофа». «Экзистенциальная катастрофа, – определяет он, – это разрушение долгосрочного потенциала человечества <...> Экзистенциальный риск – это риск, грозящий уничтожением долгосрочного потенциала человечества» [Орд, 2023, с. 47].

Основываясь на методологических инвариантах лонгтермизма и эффективного альтруизма, в декабре 2025 г. ВЭФ представил доклад «Четыре будущих для новой экономики. Геоэкономика и технологии в 2030 году». В докладе, исходя из основного тезиса о том, что «в новой экономике стратегические решения, сопряжены с повышенной сложностью, риски становятся все более зависимыми, а возможности могут возникать неожиданным образом», представлены четыре возможных варианта будущего:

Первый: Цифровой порядок. Условия: стабильная политика + быстрое внедрение технологий.

Второй: Осторожная стабильность. Условия: геополитическая нормализация + медленное / концентрированное внедрение технологий.

Третий: Выживание на основе технологий. Условия: геополитическая волатильность + быстрое внедрение технологий.

Четвертый: Геотехнологические сферы. Условие: геополитическая волатильность + разочарование в технологиях³.

«Совсем новая экономика», анализ которой предпринял И. Целищев, выстраивает свою модель в объеме третьего и четвертого вариантов, согласно которым инвестиции в технологии (читай в «образование-науку-бизнес») становятся либо катализатором, либо тормозом геополитики и экономики.

Модель «совсем новой экономики». Принципы инвестиций в образование. Модель «совсем новой экономики», которая выстраивается в условиях геополитической волатильности и быстрого внедрения технологий в развитых странах и группе НЭД (новых экономических держав – термин И. Целищева) основана на ряде принципов. Основными из них являются:

³ Федосеев, А. (2026). *Четыре будущих для новой экономики: Геоэкономика и технологии в 2030 году*. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall106919829_28578. (дата обращения: 14.01.2026).

– новая модель строится вокруг региональных экономических блоков; основными преимуществами их динамики являются логистика, политическая стабильность и относительная технологическая независимость с перспективой суверенизации;

– кризисы последних лет показали, что без активной роли государства устойчивость экономических систем резко снижается; антикризисные пакеты, субсидии, контроль за стратегическими отраслями, борьба с коррупцией становятся функциональной нормой власти;

– сегодня к традиционным формам капитала (земля, труд, деньги) добавились технологии и данные ИИ, автоматизация и «биг дата», которые изменили рынок труда, повысили производительность, сформировали цифровой и технологический капитал, усилили социальное неравенство; по оценкам ОЭСР к 2030 г. могут существенно измениться (под влиянием автоматизации) до 30 % рабочих мест;

– диверсификация, цифровизация, развитие внутренних рынков и преобразование человеческого капитала – основные элементы новых экономических стратегий; таким образом, на геополитическом фоне выживают те, кто быстрее перестраивается, учится, принимает нестандартные решения;

– инвестиции в человеческий капитал и, в первую очередь, в его динамическое образование и постоянную перекавалификацию, становятся не просто мерой статического планирования, а стратегическим экономическим и геополитическим приоритетом [Целищев, 2025]. «Технологическое развитие ведет к отчуждению традиционных форм труда ... создает возможности для нового синтеза человеческих способностей, что находит выражение в формировании таких компонентов человеческого капитала, как биоадаптивный и нейрокогнитивный капитал ... Требуется разработки новых моделей образования и профессиональной подготовки ... В этих аспектах особую значимость приобретает развитие этического капитала» [Петухова, Черных, 2025].

Таблица 1

Рейтинг стран по соотношению размеров ВВП с расходами на образование (долл)⁴

Страна	Размер ВВП (трлн)	на образование %	на образование (млрд)
США	30,6	5,4	1,652
Китай	19,4	4,0	776
Германия	5,0	5,2	260
Япония	4,3	3,3	141,9
Индия	4,1	4,1	168,1
Англия	4,0	4,0	236,0
Франция	3,4	5,3	180,2
Италия	2,5	4,1	102,5
Россия	2,5	4,2	105,0

⁴ Рейтинг стран мира по уровню расходов на образование. (Электронный ресурс). *Гуманитарный портал*. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-education-expenditure> (дата обращения: 26.01.2026); Говорун, А. (2025). *Вся мировая экономика в 2025 году в одной наглядной визуализации*. [Электронный ресурс]. URL: <https://naked-science.ru/community/1142987> (дата обращения: 05.01.2026).

В России планируемый (до 2029 г.) бюджет сохраняет 4 %. Целевой ориентир – 2028 г. Затраты ~ 1 трлн 880 млрд руб. = 24,5 млрд долл.

Впрочем, констатация того, что процентные отчисления от бюджета на развитие образования остаются более или менее постоянными, мало что говорит. Сам бюджет изменяется в зависимости от многих внешних и внутренних условий. На примере России это особенно заметно. Гораздо более важным индикатором для геополитики является эффективность того, что называют государственной политикой. В области образования этот индикатор индивидуален для каждого государства, историчен по своей сути, т. к. (по идее!) должен концентрировать в себе цели, ценности и смыслы, присущие именно этому государственному образованию. Попробуем проиллюстрировать это на примере СССР-России и ее попытках «вхождения» в МОП.

Вхождение в мировое образовательное пространство.

Этап 1: 1918–1960 гг.⁵ [Иващенко, Дерябникова, 2025]

Цель: ликвидация неграмотности.

Смысл: формирование типа личности, соответствующей социализму.

Ценность: создание РОП для формирования такого типа.

Таблица 2

Вхождение в мировое образовательное пространство. Этап 1

Даты	События и цифры
1 период 1897–1920 гг.	Только 30 % взрослого населения России было грамотным. Декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР».
2 период 1920–1939 гг. 1937 г. (перепись)	ВЧК л/б – ликпункты-школы ликбеза добровольное общество «Долой неграмотность» (ОДН) – комсомол – культпоход – культшефство – культэстафета – план по ликбезу избы / читальни. <i>Итог:</i> Всеобщее начальное образование (обучение). 26 % населения старше 9 лет не умели читать и писать.
3 период 1939 г. (перепись) – 1960 г. 1959 г. (перепись)	11 % от жителей страны в возрасте 9–49 лет неграмотны, среди более старшего возраста 19 %. Обязательное начальное обучение – школа-семилетка, вечерние школы – всеобщее обязательное 8-летнее обучение (1958–1963 гг.) 13,3 млн неграмотных (старше 50 лет).
4 период 1960-е гг. 1970-е гг. 1980-е гг.	<i>Всеобщее среднее образование.</i> К концу 1970-х гг. 99 % молодежи были охвачены средним образованием. Сложилось советское РОП. Школа + СПО + ВО (ВТУЗ) + УНПО + УНПК + МНТК.

⁵ Вдовенко, А. (2025). 9 неоднозначных фактов о том, как в СССР боролись с неграмотностью. [Электронный ресурс]. URL: <https://skillbox.ru/media/education/9-neodnoznachnyh-faktov-o-tom-kak-v-sssr-borolis-s-negramotnostyu/?ysclid=mmn6pey0ju377366863> (дата обращения 24.01.2026).

1980-е и первая половина 1990-х гг. XX в. окончательно сформировали и укрепили традиционное советское региональное образовательное пространство. Государство выступало основным регулятором его развития и инициатором проводимых реформ. Отличительной характеристикой государственной политики в области образования было единство целей, смыслов и ценностей. Это актуализировало статусность основных субъектов и институций образовательной системы.

Однако в геополитической оптике достижения в развитии российского РОП были замечены только с конца 1960-х гг. (освоение космоса, гонка вооружений). Еще одной качественной характеристикой развития российского РОП была развитая сеть организационных форм взаимодействия «наука-образование-производство». Создав мощное РОП, СССР был готов к взаимодействию с МОП. Первоначально в рамках социалистического лагеря, затем и более расширенной географии. Это был выигранный геополитический этап для российского РОП.

Вхождение в мировое образовательное пространство. Этап 2 (2003–2022 гг.)

Радикальная попытка такого взаимодействия была связана с реконструкцией советского РОП и интеграцией в Болонский процесс. Избегая лишних комментариев по поводу «пребывания» России на этом этапе, определим его цели, смыслы и ценности.

Цель: интеграция в европейское и мировое образовательное пространство.

Смысл: формирование нового типа личности – свободного либерала.

Ценность: актуализация российского РОП как интегрированного элемента системы МОП.

Концептуализаций и рефлексий по поводу формальных и неформальных сторон «бытийственности» российского образовательного пространства на этом этапе предостаточно. В этом ряду достойное место занимает серия коллективных монографий, посвященных проблематике российского РОП в геополитическом дискурсе, под общей редакцией О. А. Донских [Современное российское образование ..., 2022; Колесо времени ..., 2024; Цифровизация в социокультурном измерении, 2025]. В них проводится последовательный анализ развития, состояния и следствий деконструкции советского РОП, конструирования нового регионального пространства на основе цифровизации и т. д. Со своей стороны хочу привести лишь некоторые характеристики российского РОП на «входе» и «выходе» из второго (Болонского) этапа интеграции в геополитическое образовательное пространство.

Таблица 3

Вхождение в мировое образовательное пространство. Этап 2 (2003–2022)⁶

Вступление в Болонский процесс 2003 г.		Выход из Болонского процесса 2022 г.		2002–2003 гг.	2022 г.
количество вузов	количество студентов	количество вузов	количество студентов	количество иностранных студентов	
1039	≈ 5,95 млн	812	4,1 млн	351,5 (без оплаты)	362,0 тыс.

«Вход» и «выход» из Болонского процесса в контексте геополитического положения России с 2022 г. продемонстрировал (для российского РОП) не только неудачу второй попытки интеграции в МОП, но и катализировал необходимость ее рациональной суверенизации. В указанных выше монографиях рефреном многих разделов звучало убеждение в необходимости переориентации всего мировоззренческого фона общественного и индивидуального сознания. Утверждался новый геополитический тезис, в основе которого лежит регионализация развития и формирования образовательного пространства. Вместе с тем, в условиях формирования «платформенного капитализма» (термин И. Целищева) научная картина мира, складывающаяся преимущественно под влиянием «мира медиа», уже успела квантифицировать сложные экономические и политические феномены в интересах наднациональных структур. В результате такой «квантификации» до индивидуального сознания «доводится» то, что не позволяет создать «целостность бытия» в условиях неопределенности. Образование, соответствующее квантифицированному сознанию и ценностям технологических суверенитетов, стало терять человекообразность, во-первых, и во-вторых, обретать профессионализм как свой основной смысл и предназначение. Достаточно быстро это было осознано как новый вызов, в основе которого лежало противоречие между технологическим процессом и смысловым наполнением формирования человеческого капитала [Хан, 2025; Петухова, Черных, 2025; Колесо времени ..., 2024]. Поскольку это относилось ко всем субъектам образования, как индивидам, так и институциям, в МОП начались тотальные реформы РОП, имеющие целью синхронизацию технологического процесса и человеческого капитала. Эти процессы осложняются тем, что национальная логика образовательных стратегий часто противоречит региональным и национальным стратегиям.

⁶ *Итоговый отчет Министерства науки и высшего образования Российской Федерации о результатах анализа состояния и перспектив развития системы образования за 2022 год.* (2023). [Электронный ресурс]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/d11/xpy12a0zyrsl1yk7b39v1nvox19u1u53.pdf> (дата обращения: 15.01.2026).

Тем не менее, в докладе ОЭСР “Trends Shaping Education 2025” ВЭФ определены общие закономерности, характерные для геополитической детерминации реформ. К ним относятся:

- рост геополитической напряженности и конкуренция за образовательные ресурсы;
- расходы на безопасность растут быстрее, чем расходы на образование;
- конфликты и климатическая миграция усложняют задачу образовательной интеграции;
- развитие ИИ и «зеленых» отраслей меняет структуру рынков труда и обновления образовательного содержания.

Среди наиболее системных инициатив выделяются две:

- континентальная стратегия образования для Африки 2026–2063 гг.;
- китайская стратегия развития образования 2024–2035 гг.

Сопоставительный анализ позволяет выделить общее и особенное в тех стратегиях, которыми руководствуются регуляторы РОП.

Африка. Упор делается на приоритеты и управляемый контроль. К приоритетам отнесены: ресурсы и благоприятная среда; учителя и лидерство; дошкольное и среднее образование; в высшем образовании приоритет отдается спецпрограммам TVET (электронные технологии); особое внимание уделяется так называемым «программам второго шанса»; решению проблем гендерного равенства и инклюзии. Обращает на себя внимание то, что стратегия рассчитана на очень длительный срок. Соответственно: формируется сопровождение в виде обновленной системы мониторинга, сокращается набор индикаторов, стандартизируется сбор данных, усиливается значимость образовательных кластеров, отвечающих за реализацию стратегии.

Китай. Разработан масштабный государственный план, рассчитанный на 2024–2035 гг., целью которого является построение «образовательной державы», отвечающей интересам модернизации. Созданы генерализирующие стратегию документы. В 2019 г. принят план «Модернизация образования Китая к 2035 году». В мае 2025 г. «Белая книга по интеллектуальному образованию в Китае», согласно которой основой модернизации национального образовательного пространства (в дальнейшем НОП) Китая должны стать цифровизация и ИИ. Уже достигнуты первые результаты. На 50 % создана общенациональная единая интегрированная (через ведущие университеты и сеть центров обработки данных) образовательная платформа, на которой сосредоточены национальные и мировые образовательные ресурсы, а также произведена направленная динамическая проработка индивидуализированных траекторий обучения. На этой платформе располагаются ресурсы для учителей, предполагается расположить ресурсы для семей. Особое внимание уделяется подготовке нового поколения специалистов и внедрение ИИ в деятельность образовательных организаций. В феврале 2024 г. уже функционировали 184 пилотные школы с соответствующими ИИ-образованию регламентом. Воспитание приоритетного отношения к ИИ составляет отдельную национальную программу. На июнь 2025 г. число квалифицированных пользователей высоких технологий (генеративного ИИ) в Китае составило 575,5 млн, т. е. 36,5 % населения [Княгинина и др., 2025; Сбоев и др., 2025; Ван Сюань, Ван Бин, 2025].

США. Происходит радикальная перестройка управления образованием:

– расформируется (через сокращение функций и персонала) Министерство образования; основное планирование и стратегия переносится на администрации штатов и специальные комиссии;

– усиливается (через финансовые расследования и контроль) давление на автономию университетов;

– модернизируются (через специальные комиссии) требования к качеству учебных программ;

– законодательно ужесточаются требования для визового режима к иностранным студентам [Княгинина и др., 2025].

Альянс Брикс. Пример РОП, который демонстрирует попытки расширения и формализации взаимодействия НОП, в обмене практиками и «мягкой интеграции» систем образования в основном за счет обмена студентами:

– завершена формализация Альянса профессионального образования;

– расширяется представительство стран в Сетевом университете БРИКС;

– оформляются коллективные амбиции по развитию сотрудничества и исследований в сфере ИИ.

Объемное исследование в области политики по развитию ИИ и его использованию в области образования, проведенное Университетом бизнеса Мельбурна, показало, что сегодня ИИ становится не только технической, но и политической проблемой для всего МОП. Противостояние Запад-Восток в этом дискурсе все чаще рассматривается как дуополия США-Китай. Во всех сформированных и формирующихся НОП набирают силу внутренние дебаты о роли государства, ценностях и этике применения ИИ в образовании. При этом каждая страна развивает свое НОП с учетом особенностей культурного кода, институционального дизайна, менталитета и ресурсных ограничений. Европа (ЕС) делает акцент на приоритете безопасности, контроле рисков и защите прав человека. США акцентируют дерегуляцию, инновации и технологическое лидерство. Китай уже прокламировал масштабную государственную интеграцию ИИ для достижения национального доминирования [Gillespie et al., 2025].

Заключение

После извлечения «уроков второго этапа вхождения» в МОП Россия приступила к реформированию своего НОП. Основой реформ является разрабатываемая (с учетом геополитических ценностей и исторического опыта) Стратегия развития образования до 2036 г. с перспективой до 2040 г. Согласно графику первый вариант должен был быть представлен в январе 2025 г., окончательный – в марте 2025 г. Затем сроки (в результате обсуждений и геополитических факторов) сдвинулись. Новый вариант, представленный в июле 2025 г., дебатруется до сих пор. Однако некоторые элементы Стратегии уже «запущены», и НОП реорганизуется в дискурсе реформ:

- в 17 вузах (6 уже участвуют, 11 – будут с 01.09.2026) пилотируется обновленная модель высшего образования;
- явно расширяются механизмы контроля и единообразия;
- усиливается тенденция на управляемую регулятором стандартизацию содержания школьного образования;
- растет внимание государства к STEM-образованию и системе СПО как ключевым игрокам государственной образовательной политики на рынке труда;
- наряду с государственным активизируются частное и, особенно, корпоративное обучение;
- наблюдается осознанный и политически ангажированный процесс «слоуболизации» – перехода от либеральной модели «открытых дверей» к модели «управляемой интернационализации».

Будет ли заложен в Стратегию (как регулятивный) принцип коммерциализации учебных заведений, а также рациональное обоснование тезиса о «повышении производительности труда» в университетах, покажет дальнейшее развитие событий.

Но в любом случае очевидно, что от адекватного для России определения цели, смысла и ценности Стратегии будет зависеть ее авторитет на геополитическом образовательном пространстве, ее значимость как региональной державы и качество национального образовательного пространства.

Список литературы / References

Ван Сюань, Ван Бин. (2025). Управление высшим образованием в Китае в условиях цифровой трансформации. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. Т. 25. № 1. С. 203-213. DOI: 10.22363/2313-2272-2025-1-203-213.

Wang Xuan, Wang Bing. (2025). Higher Education Management in China in the Context of Digital Transformation. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 25. No. 1. Pp. 203-213. DOI: 10.22363/2313-2272-2025-1-203-213. (In Russ.)

Ивашченко, В. А., Дерябникова, В. С. (2025). Ликвидация безграмотности в СССР. *Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность*. № 1. С. 88-95.

Ivashchenko, V. A., Deryabnikova, V. S. (2025). The Elimination of Illiteracy in the USSR. *The Main Trends in the State and Social Development of Russia: History and Modernity*. No. 1. Pp. 88-95. (In Russ.)

Княгинина, Н. В., Пучков, Е. В., Бальжинимаева, В. В. (2025). *Мировая образовательная политика 2025: тренды, реформы, решения (демо-версия доклада)*. М.: НИУ ВШЭ, Институт образования. 80 с.

Knyaginina, N. V., Puchkov, E. V., Balzhinimaeva, V. V. (2025). *World Education Policy 2025: Trends, Reforms, Solutions (Demo version of the Report)*. Moscow. 80 p. (In Russ.)

Колесо времени: новый осевой поворот. (2024). Под общ. ред. О. А. Донских. Новосибирск. 374 с.

Donskikh, O. A. (ed.). (2024). *The Wheel of Time: A New Axial Rotation*. Novosibirsk. 374 p. (In Russ.)

Любарский, Г. Ю. (2020). *Образование будущего. Университетский миф и структура мнений об образовании XXI века.* М.: Товарищество научных изданий КМК. 526 с.

Lyubarsky, G. Y. (2020). *Education of the Future. The University Myth and the Structure of Opinions About Education of the 21st century.* Moscow. 526 p. (In Russ.)

Орд, Т. (2023). *На краю пропасти. Экзистенциальный риск и будущее человечества.* Пер. с англ. Е. Фоменко. М.: Изд-во АСТ: CORPUS. 528 с.

Ord, T. (2023). *On the Edge of the Abyss. Existential Risk and the Future of Humanity.* Fomenko, E. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Петухова, М. С., Черных, С. И. (2025). Трансформация структуры человеческого капитала в условиях перехода к экономике технологий в агропромышленном комплексе: философский анализ. *Профессиональное образование в современном мире.* Т. 15. № 3. С. 401-600. DOI:10.20913/2618-7515-2025-3-4.

Petukhova, M. S., Chernykh, S. I. (2025). Transformation of the Human Capital Structure in the Context of the Transition to a Technology Economy in the Agro-industrial Complex: A Philosophical Analysis. *Professional Education in the Modern World.* Vol. 15. No. 3. Pp. 401-600. (In Russ.)

Сбоев, А. Н., Сбоева, Д. А., Сандомиров, А. А., Лукин, А. Л. (2025). *Китайский ИИ. Обзор применения технологий искусственного интеллекта в КНР: Аналитический доклад.* Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та. 57 с.

Failures, A. N., Failures, D. A., Sandomirov, A. A., Lukin, A. L. (2025). *Chinese AI. An Overview of the use of Artificial Intelligence Technologies in China. Analytical Report.* Vladivostok. 57 p. (In Russ.)

Современное российское образование: выводы и ответы. (2022). Под общ. ред. О. А. Донских. Новосибирск: НГУЭУ. 247 с.

Donskikh, O. A. (ed.). (2022). *Modern Russian Education: Conclusions and Answers.* Novosibirsk. 247 p. (In Russ.)

Хан, С. (2025). *Новые миры образования. Трансформация обучения в эпоху искусственного интеллекта.* Пер. с англ. М.: Альпина ПРО. 192 с.

Khan, S. (2025). *New Worlds of Education. The Transformation of Learning in the Age of Artificial Intelligence.* Moscow. 192 p. (In Russ.)

Целищев, И. С. (2025). *Совсем новая экономика: как умирает глобализация и что происходит ей на смену.* М.: Эксмо. 330 с.

Tselishchev, I. S. (2025). *A Completely New Economy: How Globalization is Dying and what is Happening to Replace it*. Moscow. 330 p. (In Russ.)

Цифровизация в социокультурном измерении. (2025). Под общ. ред. О. А. Донских. Новосибирск: НГУЭУ. 291 с.

Donskikh, O. A. (ed.). (2025). *Digitalization in the Socio-cultural Dimension*. Novosibirsk. 291 p. (In Russ.)

Gillespie, N., Lockey, S., Ward, T., Macdade, A. (2025). *Trust, Attitudes and Use of Artificial Intelligence. A global study 2025*. The University of Melbourne and KPMG. 115 p. DOI: 10.26188/28822919.

Сведения об авторе / Information about the author

Черных Сергей Иванович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой истории и философии Сибирского государственного университета инженерии и биотехнологий, г. Новосибирск, ул. Добролюбова, 160, e-mail: serg2560380@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6644-8295>.

Статья поступила в редакцию: 26.01.2026

После доработки: 02.03.2026

Принята к публикации: 12.03.2026

Chernykh Sergey – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History and Philosophy of the Siberian State University of Engineering and Biotechnology, Novosibirsk, Dobrolyubova St., 160, e-mail: serg2560380@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6644-8295>.

The paper was submitted: 26.01.2026

Received after reworking: 02.03.2026

Accepted for publication: 12.03.2026